

The book cover features a dark blue background with a pattern of glowing blue dots and lines that create a sense of depth and movement. A large, solid teal rectangle is positioned on the left side, containing the author's name and the title. The text is in a clean, white, sans-serif font.

Николай Мурзин

Коронация в сумерках

СТИХИ

Николай Николаевич Мурзин

Коронация в сумерках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829849

SelfPub; 2018

Аннотация

Четвертая, заключительная часть цикла "Стихоразрушения".

Содержание

Враг	4
Меланхолия	7
Буря	9
Во времена пророков	12
Луна и Солнце	14
А р т е м и д а:	14
А п о л л о н:	16
Повторение пройденного	18
Пропавший без вести	21
Клятва	23
Петля	28
Мудрость	30
Парад алкашей	34
Ирод	35
Бетховен	36
Удивительный артист	38
Вечность и слава	41
(посвящение Вознесенскому)	41
Новый гимн Аполлону	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Враг

В краю непевчих птиц весна сера,
И все ж – весна. Но я гляжу суровой:
Обманна эта краткая пора;
Я кашляю – и хорошо, не с кровью.

Обманщица? Обманутая? Как
Мне быть с моей несбывшейся надеждой?
Недобро ухмыляется мне враг.
А хрен ли – добро? Ненависть, как прежде,

Нас гложет, заставляя ямы рыть
Друг другу (это просто выраженье),
И ножики тихонечко точить
На разрешенье застарелых прений...

И я молюсь ужасным образам,
Которые пишу, не испросивши
На это благодати – сам, все сам,
В забвенье, затемненье и затишье.

Что Врубель? Переставленный Рублев.
Когда же ты, марака, перестанешь

Плодить свои кошмары? Ведь ты слег –
Но и тогда ты грезил о восстанье.

И если бы ты выжал дни свои,
Из них бы натекло немало яда...
Но что-то сушно, душно; что-то стих
Не удастся у певца-собрата.

Исчерпано содружество теней.
Товарищество темное – на грани.
Мой Гекльберри выросший сильней,
Чем вы и я; он молодой, да ранний.

Мой голос в наступлении пустынь
Иссяк, иссох, охрип и надломился.
Я был так плох, что хуже – только стыд.
Я ложно обольщался и стремился.

Ну что ж, не обессудь. Осталось лишь
Последний взять оплот. Угрюмы стены,
И кадки со смолой, и тьма бойниц –
Все это нам. И холодок по венам.

Мне кажется... Там явствен хруст песка
Под чьим-то тихим, осторожным шагом.
Лазутчик щель нашел. Она узка,

Но есть. И нагоняет шорох страху.

Пойду, проверю. Новости плохи.
Рука дрожит. Язык во рту – как вата.
Найдут меня – изрублен на куски,
Но времени не будет и оплакать.

Кто это? Не слезились бы глаза,
Ослепшие в сплошных ночных дозорах –
Я понял бы, кому так задолжал,
Что пал из поднебесья, островзорый,

Он в средоточье загрубевших войск
И ищет здесь меня – как раньше, помню,
Он находил рукой, шептал: ты мой,
И гладил так легко и благосклонно.

Я знаю все. И все, и все забыл.
Вот, развернусь, меч занося привычно
На шорох за спиной. Кто б там ни был,
Молю... О чем? Об озверелой стычке?

О встрече с другом? О лице врага?
О ясности, просвете, озаренье?
Но все нейдет на след ноги нога,
И беспросветно сумрачное бденье.

Меланхолия

Век подбирает корки с моих столов.
Все ужасное я открываю первым.
Век никогда не готов. Чей плач и чей зов
С кровью подшит к моему непотребному делу?

Что-то прекрасное тянет маечку к горлу
И открывает свой страсотерпкий живот.
Песня, я тебя слышу. Соскучилась Сольвейг.
Был твой возлюбленный радость, а ныне стал скот.

Все мы соскотились, все закручены прядкою –
Локон в альбом маньяка, в гербарий тоски.
Колотит меня суматранская лихорадка.
Маечка задрана так, что видно соски.

Мне не хватило млека смурной волчицы –
Брат все досуха вылакал. Вон он спит.
Знамение в небе двоится, как наши лица.
Но он – основатель, а я – лягу костями.

Видишь – рука у горла, рассказ в глазах.
Римский колышется лес. Ласки прохладны.

Лес, где-то здесь проляжет дорога к аду.

И спустя столетья поэт в слезах

Будет бродить по ней, звать истлевшую деву –

Но из-под стоп будут только строфы звенеть.

Песня, я слышу тебя. Здесь, у брода – налево,

К нашей поляне. Заметь нас там, вечность, заметь.

Смотри, как причудлив изгиб коронующей шеи

И светел убор коронованной головы!

Задешево все достается тебе. Ну так бей! И

Не думай, что мы не готовы. Знаменья мертвы.

Буря

Ветер холодно дышит
За дверью домика Элли.
Ветер свивает кольца
Вокруг домика Элли.
Ветер скребет черепицу
На крыше домика Элли.
Ветер здесь неотлучно
Уже с неделю.

Сер и спокоен Канзас,
Привычная жизнь у Элли.
Не бойся, малыш, не сдует нас,
Все повторяет Элли.
Песик скулит, запрыгивает
На коленочки к Элли.
Ветер вырвал с корнями
Уже две ели.

Кто-то видел фигуру,
Сложившуюся из железок;
Кто-то рапортует о льве,
Сбежавшем из зоопарка.

Остерегайтесь чучела
В старой фетровой шляпе,
Сошедшего со штырей,
Наслышавшись об Иисусе!

Нет, ничего не знает
О слухах в народе Элли.
Сидит себе, слушает радио
На кухне прибранной Элли.
Если стучится кто в двери –
К ним не подходит Элли.
Нет у нее никого ни в душе,
Ни в постели.

Такой была и до ветра
Милая девочка Элли –
Дичилась, всех сторонилась,
Глаз не поднимала.
Сад поливала, полола,
Счастлива быть при деле.
Вся-то в хлопотах Элли.
А жить так мало.

Элли, о Элли, Элли!
Кто-то к тебе приходит.
Элли, о Элли, Элли!

Кто-то вокруг нас бродит.
Разве для канители
Созданы мы, о Элли,
Разве одни мы в черных
Ночей постели?

Ветер снаружи – воеет,
Осерчал – не на шутку!
Рифмы – в полном разброде,
Песик – забился в угол.
Элли, о Элли, Элли!
Американский эпос
Взял тебя в менестрели
И в бурь поэты.

Стены трещат, бьются стекла.
О Элли, Элли!
Гаснет огонь в очаге твоём.
Мрак и холод.
Элли, о Элли – зачем этот свет
Так молод!
Элли, смелее...
Вперед, *ma belle*...
Полетели.

Во времена пророков

Ангелы здешних небес пронизаны нами.
Сумраком околдован весь край дремучий.
Если не пал – не заслуга, а только случай.
Курится воздух холодный парным дыханьем.

Агнцы, курчавясь, толкуются в проходе хлева.
Что там пастух, не торопится их в загоны;
Что там овчарка скулит, если время – оно...
Тусклого света крыло – обвисает слева.

Вон, за углом, он лежит. В кошеле заветном
Было всего ничего. Раздраженно хмыкнув,
Вор обтирает нож об одежду жертвы.
Агнцы растерянно блеют. О них забыли.

Глупую псину походя прирезая,
Вор до дому идет, пригасив светильник.
Двери жена открывает – полунагая,
Заспанная... И враз оседает, притихнув.

Так не годится. Он хочет ее в сознание.
Должен же он получить в этот раз хоть что-то.

Бьет по щекам. С влажным звуком входит в тесноты.
Блеск закатившихся глаз пустотою манит.

Кончив, пускает под нож. Туда и дорога.
Что ей без мужа мыкаться. Жизнь – не шутка.
Только вон там, в углу – колыбелька будто...
Вор выдыхает проклятие в адрес Бога.

Разве все это так уж необходимо?
Шел бы и шел, не прельстившись, сегодня мимо!
Ладно. Неважно. Наверно, судьба такая...
Только и сам оседает, за грудь хватаясь.

Ангцы совсем разбрелись. А над кроватью
Ангел стоит с сердцем в руке железной.
Смотрит ребенок в лицо его – сонно, нежно.
Он не кричит. И заплачет лишь раз, украдкой.

Ведь ангелы здешних небес пронизаны нами,
И сумраком коронован Адам ползучий.

Луна и Солнце

Артемида:

Брат, что печалишься ты?
Хватит со старшими время
Тратить в собраньях унылых,
Что и Дионис не скрасит.
Вот я – бродила по лесу...
Помнишь, как много играли
В нем мы? За мною ходил ты
Всюду, за старшей сестрою.
Я олененка добыть –
Ты же его отпускаешь;
Только намечу я цель –
Сразу навзрыд ты заплачешь!
В пору голодную мы
Думали: смерть наша близко.
Вдруг нестерпимым кругом
Светом исполнился Делос;
Заколосились поля;
Сладостный плод нам деревья
Сами роняли с ветвей;
Нимфы явились, и нектар

Влили в иссохшие губы;
И объявил наш отец:
Что ж, ты прошел испытанье.
Ты. Но мы были с тобой.
Нам за послушность награда
Тоже была – но иная...
Труден твой путь, и один ты
Часто на нем остаешься.
Все же я с грустью смотрю,
Жду у костра на опушке:
Вдруг ты придешь, улыбнешься,
Сядешь, как водится, рядом,
Голову склонишь устало,
С жизнью простою в согласье,
В сладком и полном покое,
В неге и тихом смиренье...

А П О Л Л О Н:

Я и точу эту негу
Миру вечерней порою.
Гелиос возненавидел
Путь свой сверкающий после
Гибели сына несчастной –
Отдал он мне колесницу.
Радостно мне быть возницей.
Там я один. Только небо,
Путь – роковой, но привольный.
Запад меня принимает:
Там я схожу к тихим водам,
Там приучаю я снова
Землю – огня не бояться,
Пламя же – гаснуть без страха,
Сон мирозданию даруя.
Там я один наконец-то,
На берегу на последнем,
Мира на самом краю.
Там только рокот прилива,
Однообразный и нежный,
Как колыбельная Лето.
Там хорошо и пустынно –
На берегу на последнем.

Разгоряченные кони
Там остывают в прохладных
Волнах, и, пышущих паром,
Их омывает прибой...

Повторение пройденного

Над нами – долгий ветер
И сумрачные дни,
Как будто бы на свете
Остались мы одни.

Струится в наших пальцах
Забывчивый песок,
И кто-то, улыбаясь,
Манит дитя в лесок.

Но памятьливы ночи,
И в их жестоких снах
К нам лица многих прочих
Обращены, как знак.

Зачем пустую пропись
Нам повторять сто раз,
Как будто снова осень,
И небо все в слезах,

Как будто снова школа,
И старые друзья

Посмотрят без укора,
Но так, что жить нельзя:

Мол, ты – и мы с тобою –
Застряли здесь навек,
А шанс ведь был – да где он
Теперь, мил человек?

Но кончен дождь, и ветер
Горяч и свысока;
Он на веревке летней
Развесил облака.

И все. Раздолье – в травах,
И счет идет – до ста,
Ну а потом – забавы,
И новые места,

И прежние знакомцы
Не красок и чернил,
А плоти, крови, пота
Возьмут от вышних сил,

Чтоб воскресать им чаще,
И проще улетать,
И молчаливый праздник

За звездами играть.

Пропавший без вести

Белая ночь зимой норма –
Жутко подсвечено все.
Знают давно тебя норны,
Имя бормочут твое.
Только не вздумай при свете
К людям ты, правды искать:
Там, при твоём-то завете,
Ты наипервый всем тать.
Злобная архивражина,
Мерзкий растлитель-паук,
Чем приманил ты невинных
Есть с твоих проклятых рук?
Там тебя, братец, заждались:
Вилы, дрекольё, топор...
Добрые люди собрались
Свиньям тебя на прокорм.
Лучше уж ты оставайся
С лешим и с жутью ночной.
Коли пропал – не вертайся,
Мимо иди, стороной.
Кто-то, наверно, молился,
Нитке истлеть не давал;

Был ты кому-то родимый,
Милый... Да вышел. Не стал.
Пусть. Оборви. Ну их к черту.
Много на свете чертей.
Тот, кто побрал тебя – черный.
Их, видно, чуть посветлей.
Толку-то. Радости мало.
Нету тебя. Обычай.
Был и у нас папа-мама...
Поздно, мой маленький Кай.

Клятва

Я никогда не предаю
тебя.
Даже если мне в дар –
ничто,
даже если отве-
та нет,
мною не оклеве-
тан ты.

Мерзко мне слышать их го-
лоса,
что повторяют одну и ту
же ложь:
мол, ты слабак, и мерзавец, и му-
желож,
мол, то и се – и давай на костях
плясать...

Мерзко читать мне стихи и хоро-
шие:
мало ли было поэтов, да ка-
ждый – пал.

Может, и доблесть на свете – слома-
ться так,
чтоб из обломков слепи-
лся крест.

Только мне слепит глаз от суса-
льных врак,
я ненавижу бахвальство страны
чудес:
брось-ка нам золото, глупенький Бу-
ратин;
злобу помянешь – вались к черту в ста-
рый лаз.

Я никогда не предаю
тебя.

Я никогда не прощу
их всех.

Все понимаю: не жизнь, а позор,
тоска...

Только не выпрет и пенъем из го-
рла ком.

Я никогда не предаю
тебя.

Мне никогда не предпи-

шут мир.

Шут депутату депешу с нарочным шлет:

цирк закрывается – но не от нас приказ.

Ох, продышаться бы сладостью боевой!

С детства осела в легких пыльца-летун.

Сосланным облаком, болью-ка над землей да полетай! Еве яблоко в руку сунь.

Я никогда – слышишь ты! – никогда.

Это – во мне, и не вырубить топором.

Табор уходит в небо. Ну, кто – куда.

Я – всем известно. Взрывается тихий тромб.

Хитрые деточки – знают, как подкатить.

Аэродром в голове, и гудят
винты.

Васенька: жрем! Алексеюшка: во-
дку пить!

...Я забываю народ. Мой род – э-
то ты.

Рот, и язык, и гортань, и что там
еще,
что анатом лишь знает, а всем –
молчок.

Я собираю манатки. Моне-
ту – в щель:

пусть на прощанье мурлычет мне кисс-
кисс-кисс.

Но все равно, и в плену
земли,

я никогда не предаю
тебя.

Даже если оста-
ток дней

строчки не напишу –
клянусь.

Знаю – заносчиво кля-
твы класть,
лбом об пол бить, рубаху до пу-
па рвать...
Но я клянусь. Не оставь меня, ма-
терь злость.
Ненависть-небо, пролей свою бла-
годать.

Петля

В сумбуре сновидений
Мне, как огонь, мелькнул
Простой и ясный гений,
Что жизнь в меня вдохнул.

Мелькнул – и тотчас скрылся,
Мазнув легко крылом,
И снова я укрылся,
Как дно волною, сном.

И катят надо мною
Валы свои слова,
Как будто грекам Трою
Решать брать сызнава,

Как будто дальних комнат
Доходит праздный гул
К тому, кто видит, что он
Встает уже на стул.

И тщится сновиденье
Ужасное прервать –

Но чует, что в петле он,
И той петли не снять.

И думает: да нет же,
Я сплю – не страшно спать...
Но глянет – нет надежды:

Пуста его кровать.

Мудрость

Разум, вечный ученик,
Вечное дитя!
Над страницей ты поник,
Хмурясь и пыхтя.

Жалко, ты не во дворе,
Не гоняешь мяч...
Но тебя тревожит смерть,
Понукает плач.

Над задачей из задач
Ты теперь корпишь,
И не первый карандаш
В пальчиках скрипит.

Аккуратной головы
Четок силуэт.
Прочитал все главы ты –
Но ответа нет.

Книги – грудями в углах,
Записи – горой.

Смотрит на тебя в слезах
Старый ментор твой.

Он уже не рад совсем,
Что задание дал...
Бросил как бы между дел –
И поджег запал.

Он теперь отводит взгляд,
Он забыл вопрос;
Хочет бедное дитя
Он вернуть для роз.

Но ничтожны лепестки
Тем, кто зрел шипы.
И израненной руки
Наспех залепив

Все саднящие места,
Мальчик, ты опять,
Словно вовсе не устал,
Сядешь за тетрадь.

Знай, умрет учитель твой,
Знай – умрешь и ты.
Но останутся, герой,

Нам твои листы.

И на них – как знать, как знать –
Будет тот итог,
Ради коего нас знать
Побуждает бог.

И оденешься тогда
Ты листвой иной:
Зелена и молода,
Встанет над страной

Жизнь с исчерканных страниц;
Примечанье – шмыг
В поле с поля зайцем... Ниц,
Дьявол! Пей свой стыд!

Ты твердил: она суха,
Мысль – а то ли жизнь.
Видишь, видишь – все не так,
Видишь – мы спаслись.

И тогда вернется все...
Только вот старик,

И ребенок – не найдешь,

Не отыщешь их.

Парад алкашей

Я и сам не в восторге от этих людей –
Не сыщу между ними и малого в милость –
Отчего ж недоволен строкою своей
(Гениальной), коль по чести их в хвост и в гриву?
Я и сам про себя ведь вчера все шипел,
Оползая змеиной петлей их шатанье:
Ах вы, мукины дети! И, белый как мел,
День шел мимо, стараясь другими дворами.

А они все снега, все снега попирали,
Да глаза продирали, да тельняшку стирали,
Да на двести последние грамм наскребали
Золотую ту пыль милосердья с людей.
А над ними горело, а над ними сияло,
И земля бога-сына на крест провожала,
И уже волокло Фаэтона-нахала
В третьей четверти неба позади лошадей.

Но я знаю, наверно, в чем странность, секрет.
Мне их жалко, конечно, но дело не в этом.
Неотлучно в любви пребывает поэт.
Непрестанно величье, которого нету.

Ирод

Я взойду на жестокий трон,
На последний из черных тронов.
Кто еще мне сулил, как он,
Легионы и полигоны?

Я, быть может, и ждал волхвов,
Или фей хоть с каким подарком,
Но пришло ко мне только зло
И товарищем, и товаркой.

Протянуло мне цепь, и кнут,
И к кресту не забыло гвозди...
Не забудут – так проклянут,
Да при всем при честном народе.

Бетховен

Прекрасен был демон – бегущий, ночной,
Как тень быстрых крыльев под бледной луной!
Прекрасен был ангел – святой, золотой,
Сияющий солнцем, манящий звездой!

А я помешался на черном несчастье,
А я поминался в мерзейших синклитах,
И ненависть даль мне заткала ненастьем,
Все время – обиды, обиды, обиды...

Безумно далек я от божьего лика.
Неверной рукою намечен прелюд,
И скрипка дрожит, как от нервного тика,
Несыгранной нотой блудливых причуд.

В твоих закоулках безлюдно совсем.
Оглухший, как есть, от громаднейших тем,
Хватаюсь за память. Молчит и она.
Проклятое время, глухая стена!

А книги, а чьи-то чужие слова...
Они, все они! Как болит голова.

И память, как Брут, отвернувшись, молчит.
Кинжал. Злые иды восходят в ночи.

Одни. Мы одни в этой страшной ночи.

Откликнись хоть ты.

Хотя нет.

Замолчи.

Удивительный артист

Выйдет и просто покажет, как ходят,
Тот человек. И ты сразу, весь строгий:
Скучно-то как! Но лишь кажется нам,
Что, коль не прыгает он – не талант.

Здесь все бывалые – и небывалые,
Все – акробаты и славные малые...
Только один просто ходит. И все.
Зря мы на нем. Так уйдем. Так уснем.

Номер, меж тем, необычен весьма.
С умыслом кем-то включен он в программу.
С утра до вечера в сводках – туман.
Все мы – чужие. Все выглядим странно.

Празднество алым прыщом на носу.
Грохнут литаврами бойкие черти.
Мальчик, мне сахарной ваты... – Несу.
Мальчик... – Я знаю. Смотрите и верьте.

Мальчик, ты мне сохрани мой билет,
Место мое придержи – опоздаю...

Выйдет ко мне, не спеша, человек,
И я пойму: ничего я не знаю.

Это останется только со мной,
А не фиглярство, трах-бах, буффонада.
Вот я стою и курю под стеной,
Что отделяет земное от ада.

Что хорохорьство, пустая бравада,
Юная наглость? Нет жиге винца.
В стропы, как в троны, профессионалы
Яро вцепились. Играть – до конца.

Там, где кончаются ваши слова,

Где и шажок – величайшая радость,
Там ощутиее дух рождества,
Там допустимей спокойная святость.

Выйдет и просто покажет, как ходят,
Тот удивительный тихий артист.
Ангел так ходит – греха и свободы
Между, затем, что единый он чист.

Экая невидаль, ткнет меня в бок
Добрый товарищ. Все вышло в свисток.

Тихонько к выходу. Наше движение –
Номер вполне: от стыда – к облегчению.

Зря обладателем горькой улыбки
Смотрит он вслед нам: смотреть его – пытка...
Только с годами все смерклись огни.
Память о нем же сияет, как нимб.

В чем тут секрет? Разве хуже – прыжки?
Разве бессмысленна – доблесть гимнастов?
...Вот белизной и мазнуло виски,
И никому нет дороги обратной.

Вечность и слава

(посвящение Вознесенскому)

Куда ты заваливаешься?
Куда ты проваливаешься?
Все время тебя
Поднимаю из грязи –
Со ртом окровавленным,
С черной прогалины...
Наверно, себя
Я считал большей мразью.

Наверно, любя.
И, тобой заарканенный,
Тобой заадамленный,
Евой был на сносях –
И толкался внутрих
Каин, бредящий Авелем,
Кто-то, метящий Каина,
Третий в ипостасях.

Так куда мы наярившись –

Без билета, без права?
Может быть, нашим стоном
Это небо полно –
Будто конница издали,
Словно вечность и слава,
Нам грохочет, сияет
Неземное кино.

Это поздний сеанс.
Это черная метка.
Это мертвые с нами –
Нам на плечи кладут
Леденящие мантии
Как бы поэтов
И венцом награждают
По разбитому лбу.

Будто сбитые кегли,
Нам рокочут обвалы
Наших гоноров, сшибленных
Чьей-то молнией вниз.
И теперь только свистни нам –
Мы забьемся затравленно
И уже не полюбим
Никогда тебя, жизнь.

Не дано, друг, нам вырваться
К клинку в первом ряду,
Не дано, друг, нам смертью
Необдуманной пасть –
Но бывает, что принцы,
Что с собою в разладе,
Засверкают, заблещут,
Стоит в бой им попасть.

И неважно, что нету
Ни билета, ни права,
И ни ростом, ни торсом
Ты не вышел в цари –
Шепнут по секрету
Тебе вечность и слава,
Что не нужен ты – больше:
Эдак мир не вместит.

Так беги, деньги вымучив
У скряг и процентщиц,
На последний сеанс,
В неприметную дверь!
Ты опять стих не выучил –
Но слава и вечность
Призывают тебя
Прямо здесь и теперь.

И оно вдруг восходит,
Словно яркий прожектор,
Чей-то круглый затылок,
Как для снайпера, выветив.
Внимание, космос!
Это наша планета.
И невиданный зритель
Ищет лучшие виды.

Перед ним, как артист
В полуфрачии звездном,
Выступает Вселенная
Многих чудес.
Так смотри вместе с ним!
Не меняет он позы.
Но всегда что-то следующее
Даруется здесь.

Но опять ты заваливаешься,
И грехи все замаливаешь,
И какой-то вдруг страх
Проступает на расе,
И углы загибаешь
Ты, уже не вникая,
И все чаще заглядываешь

К попу в сальной рясе.

Ну куда ты заваливаешься,
Не снявши вериги,
Кто тебя просил
Извлекать из забвенья
Телефонный мой номер?
Да, я жив. Нет, не помер.
Снято. Стоп. Затемнение.
Я тебя погасил.

Но куда же, бездетному,
Мне деть тебя, боль моя,
В какой сплавить класс,
Заотдать зоопарк?
Страницей последнею
Я обезглавлен:
Ребенком в запасе –
Взрослый-бастард.

Зачем надрываешься
В спортзалах, закаливаешься,
Зачем так сопишь,
Видя ягодицы и груди,
Зачем чьей-то шпилькой,
В меру острой, закаливаешься,

Как Цезарь, решивший
Не дожидаться Брута?

Наверно, есть смысл
В беготне, в пертурбациях,
Во всей этой глупости –
Ну, знаешь – поэзии...
Но ты только дышишь,
Рвано и счастливо –
И мне вдруг над трупами
Делается весело.

Новый гимн Аполлону

Аполлон, оседлавший Пегаса,
Величайший из вечных героев!
Не встречал тебя в иконостасе,
Не снимал терн с кудрей твоих в крови.

Аполлон, возвращаются пчелы
Из зимовья, и жалят медведя.
Долго пьян он был медом веселым,
Пусть помучает вора похмелье.

Аполлон, оседлавший Пегаса,
Бумеранг золотистого роя!
Переписчик-Гермес твои сказки
Претворяет в мораль и энною –

Но лишь энною толикой знанья
Жизнь разбавлена, будто водою.
Ты налей мне вина и нектара.
Будь со мною. Будь, милый, со мною.

И где брызжет безумия лава,
И вулканов грядой санторинских

Мозжечок вдруг взбухает – о, дай нам
Оказаться к опасности близко!

В наши тихие, милые дворни
Вдруг вбегает поджога орава,
И зовет всех игратья с собою,
Брежжа в гибели, вечная слава.

И совсем не весной святоримской
Веет вдруг в базиликах каморных.
Распахнутся, как пологи, выси,
И мы образы видим мраморны.

Запахнешься от холода – глуп ты!
Это лето его ледяное
Дразнит гиперборейские губы
Поцелуем, улыбкой, сestroю.

Аполлон, оседлавший Пегаса,
Предводитель всех облачных строев!
Я не жрец, совершающий пассы,
Не потливый заемщик у кассы,
Не помещик, что матом всех кроет,
Чуя, что обреченный он класс –
Я is gay из породы изгоев,
Не поющий цветущих левкоев,

Но желающий быть лишь собою,
Но тебя возлюбивший сильнее,
И не знающий – верящий – sehe?
И не верящий в то, что он слышит,
Как в окно Адриатикой дышит:
Komm zu mir. Ну, смелее же. Gehe.

Бредословь, прекословья не зная,
Мою речь, поскучевшую резво
За прошедшие месяцы – с мая,
Да с того, как вернул ты мне детство.

Ну а я – задевал его сразу,
Не пойму сам, куда. Это грустно.
И на стенку я лез. Только лаза
Не нашел я обратно. Не тут-то.

Аполлон, оседлавший Пегаса,
Я не знал, что придет все не сразу.
Обращенные мной – возвращали
Мне удачу, и песни, и дали,

А я полз, оглушен и контужен,
Весь срамными кишками наружу.
Боже мой, если я возвращаюсь –
Это счастье. Я верю. Я знаю.

Остужая восторги Отридой,
Неостриженный, золотокудрый,
Ты предел Геликону копытом
Колокольным Пегаса умудрил!

Дионис во хмелю на Парнасе –
Но бегут и менады, и иды,
Как менялы из храма, как Крассы,
Лишь персидское войско завидев,

Звуков лиры и муз ясногласых,
И останков Орфея, как сглаза.
Но пугаешься только сначала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.